

© 2003 г. В. Н. ВИНОГРАДОВ

КАНЦЛЕР А.М. ГОРЧАКОВ В ВОДОВОРОТЕ ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА 70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Война с Турцией 1877–1878 гг. началась в России в обстановке невиданного народного энтузиазма. Ф. М. Достоевский записывал в те дни в “Дневнике писателя”: “Все поздравляют друг друга с войной” [1. С. 94].

Но посреди всеобщего подъема существовал очаг озабоченности, опасений и тревог, и этим очагом был Кабинет министров. Над канцлером А.М. Горчаковым, Александром II и многими сановниками старого поколения довлел синдром Крымской войны. В течение 20 лет своей службы во главе Министерства иностранных дел князь упорно и успешно избегал вовлечения России в европейские конфликты, создавая тем самым внешние условия для проведения реформ. Однако волна общественной солидарности с южными славянами грозила погрузить страну в неведомые испытания с непредсказуемым исходом. И он, и его коллеги по правительству: М.Х. Рейтерн (финансы), А.Е. Тимашев (внутренние дела), П.А. Валуев (государственные имущества) считали Россию к войне неподготовленной. Воспоминания о крымской эпопее не вдохновляли. Страна вышла из нее с астрономическим государственным долгом – 800 млн. руб., и понадобилось 15 лет, чтобы выкарабкаться из финансовой ямы. М.Х. Рейтерн подал записку на высочайшее имя: в случае новой войны наступит дефолт – упадут в стоимости ценные бумаги, возникнут трудности с уплатой процентов по внешним долгам, появится необходимость в новых займах на обременительных условиях. Обнищание населения, пугал министр царя, создаст благоприятную почву для революционной пропаганды. Понадобится двадцать лет, чтобы вернуться к состоянию казны на 1876 г. Рейтерн запросился в отставку. Тревожился военный министр Д.А. Милютин: “Война... была бы поистине великим бедствием. Страшное внутреннее расходование сил усугубилось бы еще внешним напряжением: вся полезная работа парализовалась бы, непомерные жертвования могли бы быстро привести государство к полному истощению” [2. С. 165–166; 3. С. 1]. Но, как солдат, он в отставку подавать не стал.

Преобразование вооруженных сил не было завершено. Лишь в 1874 г. Милютину удалось преодолеть сопротивление рутинеров (великих князей Михаила и Николая Николаевичей, фельдмаршалов А.И. Барятинского и Ф.Ф. Берга) и добиться введения всеобщей воинской повинности. Флот на Черном море так и не был построен, все денег не хватало. Две “поповки”, в сущности - бронированные, круглые по форме тихоходные баржи, громко именовавшиеся “броненосными силами”, в счет не шли [4. С. 196]. Они годились только для защиты своих берегов. Ни перебросить

Виноградов Владilen Николаевич – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

водным путем войска, ни высадить крупный десант в тылу противника не представлялось возможным. На театре морских операций - полное превосходство турок.

Сеть железных дорог находилась в зачаточном состоянии. Безбрежное пространство и бездорожье – то, что считалось раньше преимуществом России, в условиях быстротечных войн конца XIX в. обернулось недостатком, можно было проиграть войну, не успев подвести войска к границам. В направлении Балкан, к Румынии, вела единственная одноколейка с ограниченной пропускной способностью. В самой Румынии положение было не лучше, “чугунку” здесь строил прусский предприниматель - авантюрист Б. Штрусберг и, как с удовлетворением отмечал Ф. Энгельс, восхитительно непрочно. В дальнейшем пришлось наспеш сооружать своими силами линию Бендеры – Галац, о чем Н.М. Гарин-Михайловский рассказывал в романе “Инженеры”.

А на кону стояло будущее России – вырвется ли она из тисков отсталости на путях реформ или преобразования придется свернуть, и страна останется вековать на обочине европейской цивилизации.

Все сказанное относится к факторам, видимым для любого аналитического ума. Существовали и иные, скрытые от общественности и известные лишь узкому кругу лиц. Первой задачей дипломатии перед войной является ограничение числа вероятных противников, за что приходится платить, иногда очень дорого. Демарши в Вене показали, что она заломит за свой нейтралитет непомерную цену. Ее вожделия распространялись на Боснию и Герцеговину. Глава внешнеполитического ведомства граф Д. Андраши возражал против образования на Балканах крупного славянского государства, будь то Сербия или Болгария. С подписанием Будапештской конвенции тянули до последнего дня. Итоги войны по ней, о чем мало кто знал (даже посол в Константинополе Н.П. Игнатъев), заранее урезывались. Предстоявшая австро-венгерская оккупация двух провинций тяжелым гнетом легла на совесть А.М. Горчакова.

И еще одно обстоятельство следует учитывать. Горчаков ведь был царским министром и знал заранее, что лидеры балканской элиты после освобождения обратят свои взоры не к самодержавию, а в сторону Запада с его соблазнительным рынком, передовым строем, конституционными порядками и гражданскими свободами, позиции же официальной России в регионе не окрепнут, а ослабеют. Вот констатация Горчакова, относящаяся к 1866 г.: “Что укрепляет наше традиционное влияние на Востоке, так это ненависть к туркам. Будучи освобождены от ига, христиане последуют дорогой своих интересов. Мы для них – прежде всего конкуренты, которым нечего продавать, и у которых нечего покупать”. Малым балканским странам угрожает “внутренняя анархия, внешнее соперничество, открывающее поле для иностранного влияния” [5. Отчеты. 1866. Л. 97, 91].

В числе компонентов международных отношений признательность не значится, внешняя политика - особа холоднокровная, начисто лишенная сердечных порывов. О. Бисмарку принадлежат слова: “Освобожденные народы не благодарны, а требовательны”, и подтверждал он их примерами, взятыми из истории российско-балканских связей [6. С. 244]. Так что никак нельзя сказать, что тревоги министров возникли на пустом месте.

А.М. Горчаков не был бы собой, если бы не исчерпал всех возможностей разрешить возникший в 1875 г. на Балканах кризис мирным путем. Его ведомство без устали разрабатывало проекты реформ, которые процеживались сквозь “австрийское сито” и поступали на “расправу” в Лондон, после чего от них мало что оставалось. Последний луч надежды мелькнул на исходе 1876 г., когда представители держав, собравшись в Константинополе, при больших усилиях Н.П. Игнатъева еще до формального открытия конференции договорились о программе реформ, являвшейся, по мнению Горчакова, приемлемым минимумом: объединение Боснии и Герцеговины, образование двух Болгарий – Восточной и Западной со столицами в Тырново и Софии, со своей администрацией, свободой вероисповедания, равенством прав христиан и мусульман [7. С. 210]. Высокая Порта, при закулисной поддержке Великобритании, сорвала договоренность. Когда дипломаты собрались на официальное заседа-

ние при полном кворуме, раздался пушечный салют, и министр иностранных дел Савфет радостно объявил, что его величество султан даровал подданным конституцию со всеми полагающимися жителям правами, и стало быть хлопотать о каких-то особых привилегиях для христиан нет причин. Послы разошлись несолоно хлебавши.

Еще одно совещание дипломатов (Лондон, март 1878 г.) выработало что-то вроде ходатайства перед султаном о реформах на базе достигнутых в Константинополе договоренностей. Британцы обусловили даже этот робкий демарш согласием Петербурга на роспуск уже сосредоточенной в Бессарабии армии, но поступивший от Порты отказ положил конец завязавшейся было переговорами суете.

Возможности мирного урегулирования были исчерпаны, содержать бесконечно переброшенный в Бессарабию ударный кулак не было никакой возможности. 12 (24) апреля 1877 г. Александр II подписал в Кишиневе манифест о войне. В официальных документах Генштаба ее цели формулировались так: “Вырвать из власти турок ту христианскую страну, Болгарию, в которой они совершили столько злодейств” [8. С. 210]. Немногочисленные голоса, твердившие что-то о трудностях и жертвах, были заглушены. Ф.М. Достоевский именовал их носителей в гневе и презрении “общечеловеками” и “самооплевниками” и призывал: “Война! Мы всех сильнее!” [1. С. 100, 94].

Канцлер А.М. Горчаков оказался меж двух огней. Считая, что от возможной диверсии Австро-Венгрии удалось отгородиться Будапештской конвенцией, он сосредоточил силы на том, чтобы предотвратить вмешательство Великобритании. В ноте главы Форин оффис графа Э. Грея от 6 мая 1877 г. говорилось, что Англия не допустит никаких территориальных изменений без ее согласия и не сможет сохранить нейтралитет, если военные действия станут угрожать Суэцкому каналу, Персидскому заливу, не говоря уже о Константинополе и Черноморских проливах ([5. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 71. Л. 341–350]; подробнее об англо-русских отношениях в годы войны см.: [9]). Послу в Лондоне П.А. Шувалову пришлось пуститься в тяжелые объяснения, “доказывая”, что самодержавию и во сне не снилось вторгаться в Египет и иные места, столь же отдаленные. Начертание широкомасштабной, если не сказать фантастической картины возможных российских поползновений свидетельствовало о том, что кабинет ее величества запасается предложениями для вмешательства в войну.

А.М. Горчаков, с санкции императора, дал необходимые успокоительные заверения: захват Константинополя “не входит в планы” России, а вопрос о Проливах “для сохранения мира и всеобщего спокойствия” должен быть “урегулирован с общего согласия на справедливых и действительно гарантированных условиях” [10. С. 80–82]. Таким образом, важные, действительно имевшие общеевропейское значение проблемы самодержавие заранее отдавало на суд ареопага держав, в котором обычно пребывало в меньшинстве. Сам император еще в октябре 1876 г. дал британскому послу О. Лофтусу “священное честное слово”, что он не думает посягать на Константинополь, и отрещивался от наследия Петра Великого и Екатерины II. В июле следующего года царь, почему-то втайне от канцлера и военного министра, повторил это заверение [2. С. 308–309; 11. Р. 323].

Будучи связан Будапештской конвенцией и выданными Англии авансами, стремясь предотвратить постороннее вмешательство в противоборство с Турцией, Горчаков хотел локализовать масштабы войны. Он надеялся, что не потребуются пересекать Балканский хребет. Условия мира, приемлемые для Османской империи и держав, рисовались ему следующим образом: Болгария до гряды гор – автономное княжество, турецкие крепости подлежат срытию, чиновники – удалению; Южная Болгария, Босния и Герцеговина получают учреждения, признанные державами отвечающими их потребностям; Сербия, Черногория и Румыния подлежат расширению, последней, возможно, удастся предоставить независимость; Россия возвращает себе Южную Бессарабию и приобретает порт Батум. Она “не станет противиться” вознаграждению Австро-Венгрии Боснией и Герцеговиной.

Однако планы Горчакова остались на бумаге. У него обозначились резкие разногласия с командованием. Генеральный штаб полагал необходимым, чтобы “раз и навсегда отделаться и от Турции, и от Англии”, занять Константинополь, что взорвало бы всю обстановку. А главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, считал, что “дипломатия вообще вмешивается в дела, до нее не касающиеся” [7. С. 215].

Во внешнеполитическом ведомстве произошел открытый раскол. Под влиянием блистательных успехов на первом этапе войны казалось, что Высокая Порта вот-вот будет повержена. Окрепили позиции сторонников кардинального решения Восточного вопроса. Горячая встреча российских воинов на болгарской земле, героическое участие дружин ополчения в боях убедили самого Горчакова – да и напор оппонентов сказался, – сколь несправедливым будет раздел Болгарии. Наступление на его первоначальные позиции велось в резкой форме, его наметки были отвергнуты, его осмотрительность и осторожность стали восприниматься как свойственная старости нерешительность и трусость, его призывы к благоразумию игнорировались. Грустно и больно читать дневниковые записи Д.А. Милютина: “Князь Горчаков вместе с графом Шуваловым готовы наложить узду на собственные наши действия” (16 мая); “Дипломатия наша не перестает копошиться и противодействовать военным планам” (7 июня); “Этот выживший из ума эгоист продолжает артачиться” (6 ноября) [12. С. 169, 178, 241].

Решающее объяснение сторон произошло 30 мая на совещании у Александра II: “Бедный наш канцлер разыграл роль зайца, травимого несколькими борзыми, особенно по вопросу о будущем Болгарии” [12. С. 174]. Князя Горчакова по сути дела отстранили от руководства внешней политикой. Он продолжал разрабатывать варианты мирного урегулирования (в июне месяце – четыре) и хлопотать в Вене и Лондоне о смягчении обстановки (см.: [13]). Напрасный труд! На первый план выдвинулись Н.П. Игнатьев, Д.А. Милютин и начальник дипломатической канцелярии при Главной квартире Дунайской армии А.И. Нелидов. На долю А.М. Горчакова выпала неблагоприятная задача – предотвратить столкновение с Великобританией и Австро-Венгрией, ибо министр иностранных дел последней, граф Д. Андраши, вел себя так, будто Будапештской конвенции не существовало, и находился в постоянном контакте с лондонским кабинетом в видах противодействия России.

Канцлер пытался опустить на землю своих ярких оппонентов, в несвойственной ему запальчивой манере он говорил Игнатьеву: “Нас теперь не хотят слушать, но пройдет некоторое время и положение изменится; когда тиф и лихорадка будут истреблять нашу храбрую армию, когда погибнут 40 или 50 тысяч человек... то скажут, что мы были правы, будут просить нас уладить дела...” Князь как в воду глядел, но слышал в ответ лишь недовольное брюзжание, а в письме Игнатьева жене появилась раздраженная реплика: “Старик вместе с Шуваловым ухитрились испортить блестящее положение наше и наготовить беды государю и России потому, что не хотели молчать, а чувствовали потребность говорить” (9 июня) [14. С. 42, 47].

Я далек от мысли превозносить Горчакова, годы делали свое, он одряхлел, утратил прежнюю энергию, честолюбие переросло в старческое тщеславие. Он ревниво относился к более молодым коллегам, видя в них своих преемников на посту министра, хотя пора было подумать об уходе на покой. Но громадный опыт подсказывал ему: надо добиваться компромисса сейчас, а не дожидаться, пока в Черном море появятся английские и турецкие броненосцы (последние – под командованием адмирала по имени Хоббарт-паша), в сложившейся ситуации номер с политикой свершившихся фактов не пройдет.

Неудача под Плевной, трудная четырехмесячная осада крепости и “сидение на Шипке” привели к тому, что интервенционисты в Лондоне и Вене несколько поуспокоились и на время утихли. Но стоило российской армии в начале 1878 г. вырваться из теснин гор на равнину и устремиться к Константинополю, как для Горчакова возобновилось время тяжелых испытаний. Приближение россиян к Проливам в Уайтхолле восприняли как бедствие, обыватель уверовал, что над британскими интереса-

ми нависла угроза, в прессе разыгралась вакханалия шовинизма, парламент послушно вотировал военные кредиты. Форин оффис заговорил языком ультиматумов, требуя поставить мирное урегулирование под контроль Европы. Вена ассистировала Лондону, Д. Андраши вспомнил о Будапештской конвенции и протестовал против создания единой Болгарии. Весть о перемирии 19(31) января 1878 г. вызвала резкие протесты двух кабинетов. Великобритания пустила в ход бронированный кулак, 13 февраля эскадра адмирала Хорнби, в вопиющем противоречии с нормами международного права, вошла в Дарданеллы и бросила якорь в Мраморном море у Принцевых островов. Одним из кораблей командовал сын королевы Виктории и зять Александра II, муж его единственной дочери Марии герцог Эдинбургский Альфред.

На вызов последовал решительный ответ с российской стороны: великий князь Николай Николаевич получил приказ брата – вступить в Константинополь. Главнокомандующий, однако, немножечко схитрил и, с согласия турок, занял местечко Сан-Стефано в 12 верстах от столицы, а царю сообщил, что вошел в ее предместье [2. С. 422].

19 февраля (3 марта) 1878 г. Игнатъев подписал в Сан-Стефано прелиминарный (предварительный) мирный договор. Не надо думать, что он продиктовал условия поверженному противнику. Турки тянули время, сопротивлялись столь упорно, что у Игнатъева мелькнула мысль прервать переговоры, и это привело в ужас великого князя Николая Николаевича, опасавшегося столкновения с Великобританией. Некоторые российские требования, например, о выдаче броненосцев, уполномоченные Высокой Порты все же отвергли. Подписанный договор предусматривал коренной перелом в положении балканских народов и решительное изменение в соотношении сил в регионе. Турция признавала государственную независимость Сербии, Черногории и Румынии, что явилось вехой исторического значения в развитии этих стран, они получали значительные территориальные приращения. В Боснии и Герцеговине османы обязывались провести реформы. Болгария возрождалась как “самоуправляющееся, платящее дань княжество с христианским правительством” в широких пределах от Черного до Эгейского морей. Россия возвращала себе Южную Бессарабию, к ней отходили на Кавказе Батум, Карс, Ардаган и Баязет.

Кабинеты Лондона и Вены встретили Сан-Стефанский договор в штыки. Д. Андраши заявил послу Е.П. Новикову, что ни один министр монархии не даст согласия на расширение Болгарии к югу от Балканского хребта, и он будет сопротивляться этому “любими средствами”. “Даже с помощью войны?” – задал вопрос дипломат. Андраши уклонился от прямого ответа и повторил: “Любыми” [5. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 111. Л. 253–254].

Почему же А.М. Горчаков, предвидя яростное сопротивление держав, все же пошел на заключение прелиминарного мира? Представляется, что прав К. Косев, полагающий, что с точки зрения канцлера это был тактический ход, создававший известное поле для маневра [15. С. 405]. Канцлер надеялся, что оппонентам на предстоящем международном конгрессе будет сложнее отвергнуть то, на что турки дали согласие.

А.М. Горчакова ждало разочарование, он терял последние позиции в попытке обеспечить сносные условия для обсуждения трактата, ограничив дискуссию важнейшими, имевшими общеевропейское значение пунктами. Оппоненты настаивали: весь договор, от доски до доски, подлежит анализу, все статьи окончательного акта принимаются только с санкции держав. Европейский форум стремились обратить в судилище над победителем. О позиции Великобритании свидетельствовали пушки броненосцев адмирала Хорнби на стамбульском рейде. “Разрыв с Англией почти неизбежен”, – телеграфировал Александр II своему брату 18 (30) марта [18]. Далее следовало указание: в предвидении столкновения с британским флотом занять, с согласия Порты, высоты по берегам Босфора, не вступая в Стамбул. Главнокомандующий не счел возможным выполнять царский приказ – занятие Босфора пришлось бы осуществлять силой: “Я не считал себя вправе добровольно вызывать столкнове-

ние с Великобританией, в то время как нашей дипломатией делались всевозможные попытки к улаживанию затруднений и к предотвращению пагубной для нас войны” [5. Ф. Гл. архив. У-А2. 1878. Д. 1. Л. 526–530; 16. Вып. 4. С. 114–115].

Главнокомандующий растерял прежний боевой задор и ушел за политические кулисы, предоставив действовать на авансцене прежде третируемым дипломатам. И он был не одинок.

Великого князя вежливо удалили в отставку, заботясь о его подорванном ратными трудами здоровье. В Петербурге на вокзале его встречал император, опасаясь, что брата по дороге во дворец освищут прохожие. На смену Николаю Николаевичу назначили героя севастопольской обороны Э.И. Тотлебена. А с юга на север двигались солдаты и тянулись обозы – по приказу военного министра в предвидении схватки с Австро-Венгрией на границу с ней передислоцировались войска – пять пехотных, три кавалерийских дивизии и две отдельные бригады. Тотлебен пришел к выводу, что, ввиду нехватки тяжелой артиллерии, он не в состоянии воспрепятствовать прорыву английских броненосцев в Черное море [16. Вып. 3. С. 87; 17. С. 369].

Позволю себе не согласиться с утверждением, содержащемся в высококомпетентном труде “История внешней политики России. Вторая половина XIX века”: Англия “сухопутными войсками не располагала, а ее флот не мог нанести России сколько-нибудь серьезного ущерба” [18. С. 194]. Очень даже мог, и опыт Крымской войны о том свидетельствовал. Атаки эскадры адмирала Нэпира на Балтике удалось отбить, но ценой каких усилий? Чтобы воспрепятствовать высадке на берег десанта союзников (дивизия генерала Б. д’Илье, 10 тысяч штыков) по побережью была рассредоточена целая армия в 270 тыс. солдат и офицеров, далеко превосходящая силы, сражавшиеся в Крыму и на Кавказе [19. С. 456–457]. Таковы были оперативные возможности военного флота.

Тотлебен доложил Милютину свои соображения на случай продолжения войны, “полагая противниками Турцию, Англию и Австрию, а союзником Сербию”. Он считал возможным “сохранить то, что достигнуто в прошлую кампанию”. Вырисовывался оборонительный вариант ведения операций. В дальнейшем генерал поскромнел еще больше и считал необходимым занять позиции по линии Балканского хребта [10. С. 29; 20]. Броненосцы адмирала Хорнби легко могли проникнуть в Черное море – и прорыв не понадобился бы, и тогда – берегись берега!

26 марта 1878 г. Милютин записывал в дневнике: «Как ни прискорбны для нас всякие подобные уступки после победоносной войны, не могу, однако же, не признать, что еще прискорбней будет рисковать новой войной против половины Европы. Все благоразумные люди полагают, что при настоящих обстоятельствах война была бы для нас бедствием, во всяком случае, она не могла бы доставить нам более, чем теперь, выгодный мир и более поддержать “достоинство” России» [12. С. 35]. Таково было мнение наиболее авторитетных военных деятелей России. Оставалось уповать на дипломатию. Загнанная в угол изоляции, она стремилась расколоть фронт оппонентов, попытавшись договориться с одним из них. О. Бисмарк, к совету которого прибегли, рекомендовал обратиться к австрийцам, они продадутся дешевле. Пелена монархической солидарности не спала с глаз Александра II, поддавался иллюзиям и Горчаков, отсюда сентенция вроде следующей: “Союз трех императоров более, чем когда-либо, является ключом к миру” [5. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 81. Л. 379].

В Вену снарядили Н.П. Игнатьева. Миссия окончилась полнейшим фиаско, Австрия, по его словам, собиралась “без выстрела и усилия” получить все выгоды победителя. Андраши настаивал на разделе Болгарии, оккупации Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками, переходе под власть Габсбургов стратегически важного острова Ада Кале на Дунае, на сокращении земельных приращений для Черногории и многом другом. Он хотел обратить “сербское племя” в “вассальное владение короны Св. Стефана” [21. С. 38–40]. На том блистательная дипломатическая карьера Игнатьева завершилась, посылать на конгресс в Берлине творца Сан-Стефанского мира означало размахивать красной тряпкой перед лицом оппонентов. Автор не

давно вышедшей в США биографии Н.П. Игнатьева Д. МакКензи замечает: “Создатель Сан-Стефано и Андраши были несовместимы” [22. Р. 582].

Оставалось постучать в лондонскую дверь. П.А. Шувалов договорился с маркизом Р. Солсбери о предварительных условиях мира и съездил согласовать их в Петербург. Договоренность на совещании в Царском Селе сочли тяжелой, но все же приемлемой – выбора не оставалось. По пути из Царского Села в столицу Милютин сказал Шувалову: “Мы не можем больше сражаться. Мы не можем этого ни по финансовым, ни по военным соображениям” [23. С. 101].

Потери России во имя освобождения балканских народов составили 248 654 человека убитыми, ранеными, искалеченными, замерзшими [24. С. 179]. Люди в здравом уме сознавали – одолеть неприятельскую коалицию Россия не в состоянии [12. С. 35; 23. С. 101]. Что же – бросить еще 50–100–150 тысяч жертв в пасть Молоха? Самая безнадёжная и бессмысленная война – это та, в которой успех недостижим даже теоретически, победа не видится даже в дымке десятилетий. Разгромить Австро-Венгрию не позволила бы Германия, одолеть укrywшуюся за морями Британию можно было разве что во сне. Зато вполне реально выступала другая перспектива: предприимчивый князь О. Бисмарк, воспользовавшись тяжбой на востоке Европы, учинит новый разгром Франции, и тогда немецкая гегемония на континенте из кошмарного видения превратится в явь. Оставалось одно – пройти через чистилище конгресса.

А.М. Горчаков собирался в Берлин словно на похороны – “доигрывать заранее проигранную партию” [25. С. 206]. По словам канцлера, на конгрессе пришлось столкнуться “со злой волей почти всей Европы” [26. С. 368]. Растаяли последние надежды на то, что Бисмарк отплатит признательностью за ту роль, которую Александр II сыграл при объединении Германии. Рассуждая без гнева и сантиментов, почвы для подобной надежды и не существовало. Бисмарк действовал в соответствии с железной логикой империализма: надлежало нанести еще один удар по Франции и утвердить гегемонию рейха на континенте. Ни того, ни другого Россия не допустила бы без ожесточенного сопротивления. В 1875 г. усилиями Александра II и Горчакова была загашена спровоцированная немецким канцлером военная тревога. На роль младшего германского партнера самодержавие не годилось. Более того, такой партнер нужен был именно для противодействия России на случай, если бы Берлин приступил к улаживанию на свой манер ситуации на Западе. А добровольно на эту должность записывалась Австро-Венгерская монархия. Смена руководства у руля внешней политики в Вене в 1871 г. означала и смену курса: Ф. Бейст еще питал реваншистские в отношении Пруссии замыслы, Д. Андраши представлял венгерскую магнатскую группировку, горой стоявшую за сотрудничество с Германией и согласную на амплуа младшего партнера при ней. Но услуги Вены и Будапешта следовало оплачивать, поддерживая ее устремления на Балканах, а не противодействуя им.

Князь А.М. Горчаков во время конгресса много болел, третий российский уполномоченный, П.П. Убри, в основном молчал по причине безыюности, тяжесть переговоров выпала на долю П.А. Шувалова. “Честный маклер” О. Бисмарк свел свою роль к тому, что ставил вопрос на обсуждение и удалялся, оставляя Шувалова на растерзание маркиза Р. Солсбери и графа Д. Андраши. Представители Франции и Италии вели себя смиренно, хотя в коридорах и выражали сочувствие российской делегации.

Итоги известны – условия Сан-Стефано были сильно урезаны к пагубе для России и балканских народов. И тогда родился миф, донныне существующий, будто нерадивость дипломатов, их неспособность настоять на условиях, адекватных достигнутой в войне победе, позволила похитить у армии заслуженные ею лавры. Крестным отцом легенды можно считать И.С. Аксакова, произнесшего громоподобную речь перед соратниками-славянофилами: “Не собрались ли мы хоронить великое, святое дело, хоронить русскую славу, русскую совесть?”. Западные державы “срывают с России победный венец и преподносят взамен шутовскую с гремушками шапку”. “Слово немец, мысль останавливается перед этим колобродством русских дипломатических

умов, перед этой грандиозностью раболепия” [27. С. 6, 8, 20]. Можно себе представить впечатление 80-летнего А.М. Горчакова от этой и подобных ей филиппик.

Но история вершит свой суд не под влиянием настроений момента и не под воздействием страстей человеческих. Суждения современников и суд истории подчас разнятся. Берлинский конгресс нельзя считать некими “дипломатическими Каннами”, учиненными над Россией и балканскими народами. Программу-максимум, зафиксированную в Сан-Стефано, осуществить не удалось, что можно было предсказать заранее. Но и в обедненном виде результат трех лет восстаний и войн впечатляет. Он в корне отличается от предвоенных проектов А.М. Горчакова, Османской империи был нанесен удар, от которого она уже не оправилась. Рухнула насчитывавшая почти сто лет доктрина status quo – сохранения ее территориальной целостности. Вместо принципа автономии балканских государств утвердился принцип их независимости, которую обрели Румыния, Сербия и Черногория. Учиненное в германской столице противоестественное расчленение болгарских земель не выдержало испытания временем и рухнуло через шесть лет. И главное – после 500 лет небытия возродилась государственность болгарского народа. Российская дипломатия считала образование Восточной Румелии не только временным, но и кратковременным, и консулы не должны были “терять из виду, что конечной целью нашей политики является объединение этой провинции с Болгарским княжеством”, – инструктировал товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс назначенного послом в Стамбул князя А.Б. Лобанова-Ростовского [10. С. 215]. Даже далекий от балканских дел и реакционный по воззрениям П.А. Шувалов свидетельствовал: “Отделение Северной Болгарии от Южной могло быть только искусственным”. В беседе с Р. Солсбери он предлагал назвать первую Болгарией довольной, а вторую – неудовлетворенной. Д.А. Милютин был уверен в том, что “образуемая на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для объединения всего болгарского народа” [23. С. 95], а генерал Э.И. Тотлебен позаботился о создании материальной базы объединения, оставив в княжестве немалое количество оружия и подумав даже о конском составе для кавалерии [12. С. 69–70].

Началось самостоятельное развитие молодых балканских государств. И естественным эпилогом этого этапа их истории стала первая балканская война 1912 г., в которой объединенные силы Болгарии, Сербии, Черногории и Греции наголову разгромили войска некогда грозной Османской империи.

О другом “злом деле” Берлинского конгресса – разрешении на оккупацию Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками – человечество вспомнило в июне 1914 г., когда в Сараеве прозвучали выстрелы Г. Принципа, оборвавшие жизни эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги и явившиеся поводом для развязывания Первой мировой войны.

В заключение приведем слова “великого старца” британской политики В.Ю. Гладстона, произнесенные в парламенте в разгар Восточного кризиса: “Вне всякого сомнения, Россия защищает славян... Она оказала им услуги столь величественные и основательные, какие когда-либо великая держава оказывала угнетенному народу” [28. С. 113]. Мне остается лишь присоединиться к этому высказыванию. Больше Россия сделать не могла, не рискуя вступить в войну, безнадежную и бесконечную, и утратить в ее ходе статус великой державы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений. Л., 1983. Т. 25.
2. *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 1996. Т. 2.
3. *Газенкамф М.А.* Мой дневник 1877–78 гг. СПб., 1908. Прил. 2.
4. Россия и Черноморские проливы. М., 1999.
5. Архив внешней политики Российской империи.
6. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 2.
7. Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978.

8. *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России во второй половине XIX века. М., 1974.
9. *Виноградов В.Н.* Герои Шипки и туманы Лондона // Новая и новейшая история. 1979. № 6; 1980. № 1.
10. Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 2.
11. *Sumner V.H.* Russia and the Balkans 1870–1880. Oxford, 1937.
12. Дневник Д.А. Милютина. М., 1949. Т. 3.
13. *Чернов С.Л.* Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 гг. М., 1984.
14. *Игнатъев Н.П.* Походные письма 1877 года. М., 1999.
15. *Косев К.* Бисмарк. Източният въпрос и българското освобождение. София, 1978.
16. Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1899. Вып. 3; СПб., 1900. Вып. 4.
17. Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1986.
18. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997.
19. *Тарле Е.В.* Крымская война. М., 1950. Т. 2.
20. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА.Д. 7906. Л. 75–76.
21. После Сан-Стефано. Записки графа Н.П.Игнатъева. Петроград, 1916.
22. *MacKenzie D.* Count N.P.Ignat'ev – the father of lies? New York, 2002.
23. П.А.Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4.
24. История тыла и снабжения русской армии. Калинин, 1955.
25. *Лопатников В.А.* Пьедестал. Время и служение князя А.М. Горчакова. СПб., 2002.
26. Канцлер А.М. Горчаков, М., 1998.
27. *Аксаков И.С.* Речь, произнесенная в Московском славянском благотворительном комитете. Берлин, 1878.
28. Новая и новейшая история. 1978. № 2.